

СТИХОВЕДЕНИЕ

В.Я. Малкина

«ЕСЛИ ЖИЗНЬ ТЕБЯ ОБМАНЕТ...»: ОПЫТ АНАЛИЗА

(к вопросу о семантике четырехстопного хорея у А.С. Пушкина)

В науке неоднократно отмечалось, что стихи Пушкина конца 1820-х – начала 1830-х, написанные четырехстопным хореем, близки к циклизации. Так, Ю.М. Лотман в «Анализе поэтического текста» писал, что среди пушкинских стихов второй половины 1820-х – 1830-х гг., написанных четырехстопным хореем, можно выделить «заметную группу лирических стихотворений, которые, бесспорно, циклизировались в сознании Пушкина в некое единство. <...> Описание всех этих стихотворений как *единого текста* на фоне ямбической традиции позволило бы более точно выявить семантику хорея в лирике Пушкина между 1826 и 1830 гг.»¹. Он называет следующие тексты: «Зимняя дорога», «Ек. Н. Ушаковой» («В отдалении от вас...»), «Дар напрасный, дар случайный...», «Предчувствие» («Снова тучи надо мною...»), «Рифма, звучная подруга...», «Город пышный, город бедный...», «Стрекотунья-белобока...». А.Ф. Белоусов, замечая, что в лирике Пушкина «во второй половине 20-х – начале 30-х гг. складывается нечто вроде цикла произведений, объединенных друг с другом поисками смысла и цели в жизни, ощущением своей зависимости от *рока* и стремлением найти для себя опору в окружающем мире»², добавляет еще несколько стихотворений: «Талисман», «Дорожные жалобы», «Бесы», «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», «Зимний вечер», «Подъезжая под Ижоры...».

Названные исследователями тексты сходны субъектной структурой, пространственно-временной организацией, синтаксическими и лексическими конструкциями³. Но, как видно из приведенных выше цитат, из этого циклического образования исключается 1825 г. и стихотворение «Если жизнь тебя обманет...». С нашей точки зрения, оно прямо связано с последующими текстами, более того, как раз и явилось началом пушкинской циклизации, связанной с четырехстопным хореем. Для доказательства этого попробуем провести целостный анализ этого стихотворения.

Метрико-ритмическая схема стихотворения:

	1	2	3	4	5	6	7	8	
1. Если жизнь тебя обманет,	–	∪	–	∪	–	∪	–	∪	A
2. Не печалься, не сердись!	∪	∪	–	∪	∪	∪	–		b
3. В день уныния смиришь:	–	∪	–	∪	∪	∪	–		b
4. День веселья, верь, настанет.	–	∪	–	∪	–	∪	–	∪	A
5. Сердце в будущем живет;	–	∪	–	∪	∪	∪	–		c
6. Настоящее уныло:	∪	∪	–	∪	∪	∪	–	∪	D
7. Всё мгновенно, всё пройдет;	–	∪	–	∪	–	∪	–		c
8. Что пройдет, то будет мило ⁴ .	–	∪	–	∪	–	∪	–	∪	D

Стихотворение написано четырехстопным хореем, с чередованием мужских и женских рифм. Оно состоит из двух четверостиший, в первом – кольцевая рифмовка (ж-м-м-ж), во втором – перекрестная (м-ж-м-ж). Размер полностью реализован в половине строк (две в первой строфе и две во второй):

1 Если жизнь тебя обманет,

4 День веселья, верь, настанет.

7 Все мгновенно, все пройдет;

8 Что пройдет, то будет мило.

В первой строфе это первая и последняя строки (с женской рифмой), во второй – две последние строки. Рифмы глагольные во всех строках, кроме 6 и 8.

Словарь текста:

Существительные: *жизнь, день (2 раза), уныния, веселья, сердце* (6)

Субстантивированные прилагательные: *будущем, настоящее* (2)

Глаголы: *обманет, печалься, сердись, смирись, верь, настанет, живет, пройдет (2 раза), будет* (10)

Наречия: *уныло, мгновенно, мило* (3)

Личные местоимения: *тебя* (1)

Служебные слова: *если, не (2 раза), в (2 раза), всё (2 раза), что, то* (9)

В тексте полностью отсутствует предметный мир, нет ни одного слова с предметным значением. Существительные можно разделить на две основные категории:

1) обозначающие промежутки времени – короткий (*день*) и длинный (*жизнь*);

2) обозначающие состояние, вернее, два противоположных состояния (*уныния, веселья*)

Особняком стоит слово *сердце* – но поскольку понятно, что оно употребляется не в конкретно-физиологическом, а в отвлеченном, метонимическом значении, с нашей точки зрения, его можно отнести ко второй группе.

Над существительными (6 + два субстантивированных прилагательных) преобладают глаголы (10 + два наречия в функции сказуемых). 10 глаголов для 8 строк – это достаточно много⁵. Стихотворение наполнено действием, каждый стих содержит как минимум один глагол, а заключительные строки обеих строф (4, 8) – по два глагола. Напомним, что в этих строках также полностью реализован размер. По значению глаголы также можно разделить на те же две основные группы (время и состояние души).

Это же относится и к наречиям. А прилагательные (за исключением двух субстантивированных, *настоящее* и *будущее*), отсутствуют вовсе.

Таким образом, значимые слова стихотворения подразделяются на два примерно равных тематических поля:

(1) Время	(2) Состояние
<i>жизнь</i>	<i>уныния</i>
<i>день (2 раза)</i>	<i>веселья</i>
<i>будущем</i>	<i>обманет</i>
<i>настоящее</i>	<i>печалься</i>
<i>мгновенно</i>	<i>сердись</i>
<i>настанет</i>	<i>смирись</i>
<i>живет</i>	<i>верь</i>
<i>пройдет (2 раза)</i>	<i>сердце</i>
<i>будет</i>	<i>уныло</i>
	<i>мило</i>

В первом тематическом поле – два повтора (*день* и *пройдет*). Все глаголы из второго тематического поля сосредоточены в первой строфе. Но заканчивается она глаголом из первого тематического поля – *настанет*, – и во второй строфе глаголы уже только из тематического поля «время».

Поскольку в лирике тема сливается с мотивом⁶, мы можем говорить о том, что основные мотивы данного стихотворения – это время (жизнь) и состояние сердца (души, человека). Время течет, меняется, и с ним изменяется человеческая душа.

Присмотримся внимательнее к временной организации стихотворения. Из глаголов четыре стоят в форме императива, пять – в форме будущего времени, и только один – настоящего, но при этом в строке «сердце в будущем живет». Таким образом, на грамматическом уровне присутствует в основном будущее время. Но *настоящее* и *будущее* присутствуют в сти-

хотворении и на лексическом уровне. С настоящим связано уныние, с будущим – с одной стороны, веселье, с другой – обман и, опять-таки, уныние.

Однако здесь важно, с какой точки зрения настоящее и будущее рассматривается. Ведь то, что *сейчас* представляется настоящим и будущим, *когда-нибудь* станет прошлым, и тогда изменится и восприятие: «Что пройдет, то будет мило». Таким образом, восприятие времени и состояния зависит от точки зрения. С точки зрения *настоящего* (условно обозначим ее как «первая точка зрения») мы видим *будущее*. Со второй точки зрения (в будущем) – нынешнее *настоящее* станет *прошлым*.

О чьей же точке зрения здесь идет речь? В стихотворении сразу обращает на себя внимание практически полное отсутствие личных местоимений. Собственно, оно только одно, причем в пассивной конструкции: *тебя*. Я как грамматическое лицо и как субъект отсутствует. Пользуясь классификацией субъектов в лирике, разработанной Б.О. Корманом и дополненной С.Н. Бройтманом, можно сказать, что это стихотворение с внесубъектными (внеличными) формами выражения авторского сознания. В таких текстах, пишет С.Н. Бройтман, «высказывание принадлежит третьему лицу, а субъект речи грамматически не выявлен. <...> Именно в стихотворениях, в которых лицо говорящего прямо не выявлено, в которых он является лишь *голосом* <...>, создается наиболее полная иллюзия отсутствия раздвоения говорящего на автора и героя, а сам автор растворяется в своем создании, как Бог в творении»⁷. Активными, действующими в стихотворении оказываются *жизнь*, *день* и *сердце*, а не лирический субъект и даже не «ты», к которому он обращается – к нему обращен только призыв *не печалиться*, *не сердиться* и пр. (напомним, из 10 глаголов 4 стоят в форме императива).

Еще одна примечательная особенность данного стихотворения заключается в том, что в нем полностью отсутствует пространство. Нет ни

одного упоминания пространственных ориентиров, ни одного указания на какое-либо место. Из многочисленных глаголов ни один не имеет значения движения.

Таким образом, лирический сюжет стихотворения развивается только во времени: от *унылого* настоящего, которое когда-нибудь станет *милым* прошлым, – к будущему, которое сейчас представляется *веселым*, но станет унылым настоящим, а потом опять милым прошлым и т.д., согласно цикличности времени. Использование внеличных форм выражения авторского сознания подчеркивает универсальность ситуации. С другой стороны, исходная лирическая ситуация оптативна: стихотворение начинается со слова «если», таким образом, сразу же вводится определенное условие, при котором возможно развитие этой ситуации в событие – смену точек зрения на *жизнь сердца* с первой (из настоящего) на вторую (из будущего).

Использование условного наклонения, повторов, темы жизни и времени характерны для большинства стихотворений Пушкина, написанных четырехстопным хореем, начиная с середины 1820-х гг. Нам кажется, что и данный текст должен быть вписан в этот контекст и может рассматриваться как начало циклизации в творчестве Пушкина, связанной с четырехстопным хореем.

---

¹ Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. С.-Петербург, 1996. С. 163. Курсив Ю.М. Лотмана.

² Белоусов А.Ф. Стихотворение А. С. Пушкина «Зимний вечер» // Русская классическая литература: Анализ художественного текста. Таллин, 1988. С. 20.

³ См. подробнее в нашей статье: О семантике четырехстопного хорea в лирике А.С. Пушкина 1825–1830 гг. // В свете исторической поэтики... : Книга памяти Самсона Наумовича Бройтмана: Статьи и воспоминания (*в печати*).

⁴ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 17 т. Т. 2. М., 1994. С. 365. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера тома и страницы.

⁵ Для сравнения: в «Дорожных жалобах» – 15 глаголов на 32 строки, в «Зимнем вечере» – 20 на 32 строки, в «Зимней дороге» – 11+3 деепричастия на 28 строк, в «Стихах, очиненных ночью во время бессонницы» – 9 на 15 строк).

⁶ См. исследование И.В. Силантьева: «Всякий мотив в лирике исключительно тематичен, и любому мотиву здесь можно поставить в соответствие определенную тему. И наоборот, лирическая тема как таковая исключительно мотивна по своей природе, и

мотивы как предикаты темы развертывают ее через действие – конечно, применительно к лирическому субъекту. <...> В целом же лирическая тема принципиально и предельно *рематична*, и в этом отношении она функционально сливается с лирическим мотивом» (Силантьев И.В. Поэтика мотива. М., 2004. С. 87–88.).

⁷ Бройтман С.Н. Лирический субъект // Введение в литературоведение: Учебное пособие / Под ред. Л.В. Чернец. М., 2004. С. 314. Курсив С.Н. Бройтмана. Б.О. Корман для обозначения данного типа субъекта пользуется термином «автор-повествователь» (см., например: Корман Б.О. Литературоведческие термины по проблеме автора. Ижевск, 1982).